

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14762

EDN: MUQDD5

Концепция эстетической критики в еженедельнике «Гражданин» (1872)

В. А. Викторovich

Государственный социально-гуманитарный университет

(г. Коломна, Российская Федерация)

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Аннотация. В статье дан аналитический обзор литературно-критических выступлений в еженедельнике «Гражданин» 1872 г. В ходе проведенной атрибуции выявлен вклад Н. Н. Стрхова, П. К. Щебальского и Б. М. Маркевича в формирование литературной политики издания. Ряд их статей введен в научный оборот впервые. «Литературные письма» Н. Н. Стрхова возобновили продолженное им в журнале «Заря» формирование почвеннического фундамента эстетической критики, начатое еще А. А. Григорьевым и Ф. М. Достоевским во «Времени» и «Эпохе». Хаос в современной критике, по Стрхову, имел философские корни, а именно безудержную веру в прогресс, когда все новое представляется полной заменой старого. В своих статьях П. К. Щебальский развивал основы эстетического позитивизма М. Н. Каткова, поэтому с его стороны неизбежной была внутриредакционная полемика с «метафизиком» Стрховым. Статьи Б. М. Маркевича, в свою очередь, были нацелены на преодоление вражды «передового» общества к «эстетизму». В целом усилиями указанных критиков «Гражданин», при всех внутрипартийных разногласиях, способствовал происходящему в 1860–1870-е гг. переходу русской эстетической критики из либерального лагеря в консервативный. Еженедельник оказался мишенью как для радикальной, так и для либеральной журналистики, и сплоченности отдела критики «Гражданина» 1872 г. в этой борьбе хватило только на полгода, однако уже на следующий год новый редактор, Ф. М. Достоевский, возобновил данный отдел и продолжил трансформацию эстетической критики в сторону консервативных начал. Выявленные обстоятельства не подтверждают сложившегося в науке представления о «коротком дне русского эстетизма». История эстетической критики XIX в. должна быть написана с учетом всех ее перипетий начиная от Карамзина и Жуковского до Вл. Соловьева и К. Леонтьева.

Ключевые слова: Гражданин, журналистика, редакционная политика, критика, эстетика, консерватизм, полемика, атрибуция

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00785 «"Гражданин" Достоевского: концепция, полемика, атрибуция, исследование (1872–1874)», <https://rscf.ru/project/24-18-00785/>).

Для цитирования: Викторovich В. А. Концепция эстетической критики в еженедельнике «Гражданин» (1872) // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 50–81. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14762. EDN: MUQDDS

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14762

EDN: MUQDDS

The Concept of Aesthetic Criticism in the Weekly “Grazhdanin” (“The Citizen”) (1872)

Vladimir A. Viktorovich

State Social and Humanitarian University

(Kolomna, Russian Federation)

Petrozavodsk State University

(Petrozavodsk, Russian Federation)

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Abstract. The article provides an analytical review of literary criticism speeches in the weekly “Grazhdanin” (“The Citizen”) in 1872. In the course of the conducted attribution, the contribution of N. N. Strakhov, P. K. Shchekalsky and B. M. Markevich to the formation of the publication’s literary policy was revealed. A number of their articles were introduced into scientific circulation for the first time. “Literary letters” by N. N. Strakhov restarted the formation of the pochvennichestvo foundation of aesthetic criticism, which A. A. Grigoriev and F. M. Dostoevsky began in “Vremya” and “Epocha,” and he continued in the “Zarya” magazine. According to Strakhov, the chaos in modern criticism had philosophical roots, namely, an unbridled faith in progress, when everything new seems to be a complete replacement for the old. In his articles, P. K. Shchekalsky developed the foundations of M. N. Katkov’s aesthetic positivism, so an intra-editorial polemic with the “metaphysician” Strakhov was inevitable on his part. B. M. Markevich’s articles, in turn, were aimed at overcoming the hostility of “advanced” society to “aestheticism”. In general, through the efforts of these critics and despite all the intra-party disagreements, “Grazhdanin” contributed to the transition of Russian aesthetic criticism from the liberal to the conservative camp, which took place in the 1860s and 1870s. The weekly turned out to be a target for both radical and liberal journalists, and the unity of the criticism department of “Grazhdanin” in 1872 in this struggle lasted only six months. The following year the new editor F. M. Dostoevsky restored this department and continued the transformation of aesthetic criticism towards conservative principles. The revealed circumstances do not confirm the established scientific idea of the “short days of Russian aestheticism”. The history of aesthetic criticism in the 19th century should be written with regard to all its twists and turns, starting from Karamzin and Zhukovsky to Vl. Solovyov and K. Leontiev.

Keywords: Grazhdanin, The Citizen, journalism, editorial policy, criticism, aesthetics, conservatism, polemics, attribution

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00785, <https://rscf.ru/project/24-18-00785/>).

For citation: Viktorovich V. A. The Concept of Aesthetic Criticism in the Weekly "Grazhdanin" ("The Citizen") (1872). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 50–81. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14762. EDN: MUQDDS (In Russ.)

Издаваемый с 1872 г. еженедельник «Гражданин» в первых трех номерах имел подзаголовок: «политический и литературный журнал-газета». С четвертого номера подзаголовок чуть изменился: «газета-журнал политический и литературный». В программе, поданной издателем (формально Г. К. Градовским, фактически В. П. Мещерским) в Главное управление по делам печати, один из пунктов гласил: «Литература. Статьи биллетристическiя <...>. Критика и библиографiя, внутренняя и иностранная»¹. Просуществовавший в «Гражданине» первые четыре месяца 1872 г. раздел «Критика и библиография» исправно пополнялся рецензиями (№ 1–5, 7, 9, 13, 15, 17 и дополнительное приложение к № 17)², но после майско-августовских «каникул» издания бесследно исчез³. За рамками этой рубрики печатались также обзоры журналов и газет, отечественных (№ 1–5, 8, 10, 11) и иностранных (№ 6, 7), которые прекратились еще раньше, в середине марта. Тихое угасание после столь бурного начала свидетельствовало об организационных трудностях, не преодоленных редакцией.

Обзоры и рецензии служили путеводителем по современной литературе, а вот идейно и концептуально скреплять весь этот разнообразный материал призваны были проблемные литературно-критические статьи, авторами которых выступили Н. Н. Страхов, П. К. Щебальский и Б. М. Маркевич.

¹ РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Д. 74. 1871. Л. 2 об.

² Раздел в № 7 имеется, но без обозначения рубрики, в № 15 ее название усечено до «Библиография». В № 6 и 10 печатался краткий «Библиографический указатель».

³ Его восстановит в 1873 г. новый редактор — Ф. М. Достоевский (№ 1, 2 — «Библиография», № 4, 6, 17 — «Критика и библиография»), регулярно раздел заработал с конца июня 1873 г. (с № 26).

Н. Н. Страхов к тому времени прошел хорошую школу, учась у почвенника А. А. Григорьева, активно участвуя в журналах «Время», «Эпоха», «Отечественные Записки», «Заря»; на его счету уже были ставшие позднее классическими статьи об «Отцах и детях», «Преступлении и наказании», «Воине и мире», о Пушкине. Популярность ему эти статьи тем не менее не принесли, у Страхова был свой счет и к современной критике, и к современному читателю, что выразилось в его книге «Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк» (СПб., 1868). Цикл «Литературные письма» в «Гражданине» (№ 1, 2, 5, 11) был своеобразным продолжением этой книги. Критик констатирует окутавший читателя «густой мрак», который вызвало «жалкое состояніе нашего просвѣщенія: отсутствіе твердыхъ основъ, сумятица взглядовъ, хаосъ поползновеній, предразсудковъ и недоразумѣній»⁴.

Одна из причин этого «хаоса», по убеждению критика, — нигилистический настрой нового поколения читателей: поэзия Пушкина и Шиллера «уже не находятъ себѣ никакого отзыва»⁵, и в целом историческое «беспамятство» становится обратной стороной понятного, но ложного в своей абсолютизации «увлеченія настоящимъ»⁶. Отсюда проистекает поклонение Некрасову и равнодушие к Пушкину молодого поколения. Страхов находит в этом общественно-философские корни, а именно безудержную веру в прогресс, когда все новое представляется полной заменой старого. Современному человеку внушается, что есть только настоящее. Модной теории прогресса, полагает Страхов, сопротивляется русская литература, в которой являются гении, вещающие нам «изъ какой-то невѣдомой глубины» и потому не только не отменяющие друг друга, но остающиеся непревзойденными для потомков. Таковым был и остается Пушкин. Первое «письмо» критик завершает сентенцией (максимой) эстетического консерватизма, вызывающе кенотичной:

⁴ Страховъ Н. Литературныя письма. Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Соч. П. Полевого. Гравюры исполнены А. Сѣряковымъ. СПб. 1872. Сочиненія Н. А. Добролюбова. 4 тома. Съ портретомъ автора. СПб. 1871. I // Гражданинъ. 1872. № 1. 3 Января. С. 16. Далее ссылки на «Гражданин» приводятся с использованием сокращения *Гр.*

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 17.

«Будучи существами ограниченными, измѣнчивыми, случайными, мы должны беречь исторію преимущественно какъ память о томъ, что было выше насъ, и что въ насъ самихъ отражается лишь малою своею частью»⁷.

Таковы теоретические постулаты первого из «Литературных писем» Страхова, затем примененные им к истории русской литературы. Во втором «письме» утверждается, что вся эта история — «постепенное освобождение русскаго ума и чувства отъ западныхъ вліяній»⁸, но происходило это освобождение как бы в процессе самого вліянія, парадоксально пробуждавшего самобытность русскаго гения. Так, одописание Ломоносова выражало «восторгъ» пробуждающейся нации и способствовало формированию литературнаго языка, да и в целом формы классицизма были отражением явлений действительности. То же самое можно сказать о «чувствительности» Карамзина и Жуковскаго, выразивших естественные «стремленія русской души»⁹. Явление Пушкина, таким образом, было подготовлено усилиями предшественников:

«Пушкинъ — вотъ роскошный плодъ этихъ усилій, этого обилія вѣры въ себя, этихъ подражаній, чуждыхъ рабства. Въ Пушкинѣ завершился нашъ языкъ, завершилось распространеніе кругозора нашей поэзіи и идеаль русской души, истинная мѣра ея чувствъ и движеній выразилась въ такой полнотѣ, что вся дальнѣйшая литература можетъ быть разсматриваема какъ развитіе зачатковъ, положенныхъ Пушкинымъ»¹⁰.

Найденное Пушкиным «*правильное отношеніе къ русской дѣйствительности*» было затем усвоено его последователями:

«Такъ зачатки Гоголя можно найти въ "Гробовщикъ"; Островскій конечно ведетъ свое происхожденіе отъ "Бориса Годунова"; тонъ Некрасова уже взять въ замѣчательномъ стихотвореніи "Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый" <...>; Достоевскій

⁷ Страховъ Н. Литературныя письма. I // *Гр.* 1872. № 1. 3 Января. С. 18.

⁸ Страховъ Н. Литературныя письма. II // *Гр.* 1872. № 2. 10 Января. С. 58.

⁹ Там же. С. 60.

¹⁰ Там же.

начинается отъ "Станціонного Смотрителя"; С. Т. Аксаковъ и Л. Н. Толстой отъ "Капитанской Дочки"»¹¹.

«Письма» Страхова оставались верны традициям почвеннической критики, усилиями А. А. Григорьева и Ф. М. Достоевского обращавшей эстетический субстрат к национальным корням. В сложившихся на тот момент общественно-литературных обстоятельствах торжествующего позитивистского мышления это выглядело неким анахронизмом, как, например, утверждение (вослед откровениям тех же Григорьева и Достоевского), что в Пушкине «совершалось поэтическое душевное движеніе, огромныхъ размѣровъ и глубочайшаго значенія»¹². В противовес торжествующему прогрессизму с его линейной концепцией развития русской литературы почвенническая критика выдвигала не «преодоление» Пушкина, а «происхождение» из него (см.: [Викторович, 2024а: 71–72]).

Третье из «писем» Страхова, оттолкнувшись от пафоса пушкинских «Клеветников России», вело к выяснению «скрытой теплоты патриотизма» (по уже известной тогда формуле Л. Н. Толстого) как источника силы русской литературы:

«...если мы не понимаемъ вѣры въ Россію, то мы ровно ничего не поймемъ въ русской литературѣ <...>. Тогда вся наша литература окажется и фальшивою, и непонятною; ибо не только всѣ большіе русскіе писатели, отъ Ломоносова до Льва Толстого, проникнуты вѣрою въ Россію, но эта вѣра была существеннымъ, главнымъ условіемъ ихъ дѣятельности»¹³.

На этом можно было бы закончить, но четвертое, последнее «письмо» Страхова дает осмыслению ментальности русской литературы новый поворот. Вернувшись к русским корням «чувствительности» Карамзина, критик отмечает их раздвоенность:

¹¹ Страховъ Н. Литературныя письма. II // *Гр.* 1872. № 2. 10 Января. С. 60–61.

¹² Там же. С. 61.

¹³ Страховъ Н. Литературныя письма. III // *Гр.* 1872. № 5. 31 Января. С. 165.

«Та душевная мягкость, которою отличаются славяне и которая находится въ связи съ ихъ безволиемъ, съ ихъ распущенностію, съ легкою отзывчивостію на всевозможныя вліянія, съ гибкостью и неустойчивостію чувствъ и мыслей, — эта мягкость очевидно представляла удобную почву для развитія сентиментальности...»¹⁴.

Жизнь, впрочем, дает возможность той или другой нации развить противоположные качества, продолжает Страхов, подводя к идее амбивалентности национального характера:

«Психическій строй отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ кажется нерѣдко развивается по закону полярности, т. е. развитіе однихъ свойствъ вызываетъ и поддерживаетъ развитіе свойствъ, прямо противоположныхъ»¹⁵.

Слово о Карамзине завершает цикл «Литературных писем» Страхова. В назидание современникам критик подчеркивает, что автор «Истории Государства Российского» противостоял «а н т и с т о р и ч е с к о м у вѣку самодовольнаго просвѣщенія» усилием «наращенія любви и уваженія къ прошлому»¹⁶.

Современники, судя по всему, остались равнодушны к этим назиданиям: слишком архаичным, глядевшим назад, а не вперед, представлялся им консервативный критик, озабоченный сохранением национально-литературных традиций. Кроме того, полоса отчуждения формировалась и самой манерой изложения — как бы кружением над обсуждаемым предметом. Так называемая реальная критика (кстати, заявленного в заглавии обсуждения наследия Добролюбова в «письмах» так и не последовало) с ее устремленностью к общественному прогрессу захватывала читателя жесткой логикой рационально выстроенных конструкций, Страхов же следовал ассоциативному строю статей-писем своего учителя Аполлона Григорьева (правда, без его артистического темперамента).

¹⁴ Страховъ Н. Литературныя письма. Письмо четвертое // *Гр.* 1872. № 11. 13 Марта. С. 380.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 381.

Начало критического отдела «Гражданина» связано с активным участием в нем П. К. Щебальского, остающимся до сей поры неизвестным, т. к. требуется раскрытие криптонимов, за которыми укрылся критик. С целью более или менее достоверной атрибуции мы обязаны хотя бы кратко охарактеризовать его предыдущую литературную деятельность, пока не привлекавшую пристального внимания исследователей¹⁷.

Обозревая известную литературно-журнальную деятельность Щебальского до и после его участия в «Гражданине» 1872 г., выделим пять основных *постулатов* (далее сокращенно: «П.»), выдвинутых им и неуклонно защищаемых, — для последующего сопоставления с концепциями атрибутируемых статей «Гражданина».

П. 1. Литература есть полное выражение национальной жизни, поскольку она ее **изучает**, как и наука, хотя и своими средствами (постулат, близкий эстетическому позитивизму М. Н. Каткова)¹⁸. Приведем принципиальное для критики Щебальского суждение:

«Начертанные имъ [талантливым писателем] образы лучше всякихъ разсужденийъ объясняютъ если не цѣлый историческій моментъ, то извѣстную сторону положенія общества въ данную минуту. <...> Съ этой точки зрѣнія романъ становится пособіемъ для изученія исторіи; выводимые въ немъ персонажи перестаютъ быть въ нашихъ глазахъ фикціями и становятся историческими документами, которые мы изучаемъ точно такъ же какъ хроники или біографіи личностей дѣйствительно бывшихъ во плоти»¹⁹.

¹⁷ В посвященной ему главе книги об окружении М. Н. Каткова находим поспешные и необоснованные суждения вроде следующих: «Оригинальных идей у Щебальского не имелось, в основном он озвучивал и иллюстрировал историческим материалом мысли М. Н. Каткова»; «Западнический взгляд на русскую историю характерен практически для всех работ Щебальского» [Котов: 110, 111].

¹⁸ Ср.: «...поэзия может и должна быть понимаема как знание...» [Катков: 260].

¹⁹ П. Щебальский. Шпильгагенъ и его романы // Русскій Вѣстникъ. 1871. Т. 96. Декабрь. С. 529.

П. 2. «Принцип свободы и саморазвития»²⁰ акцентирован Щебальским как фундаментальный для словесного творчества. Наибольшую опасность для искусства несет, по Щебальскому, его зависимость от навязанной извне тенденции. Так, главным достоинством романа «Война и мир» критик полагал именно такого рода свободу творчества:

«...нигдѣ въ романѣ графа Толстаго вы не найдете ничего тенденціознаго, ни одной замашки тѣхъ господъ, которые ежедневно проповѣдуютъ намъ, и въ романахъ, и въ драмахъ, то западничество, то славянофильство, то гражданскій бракъ, то Жанъ-Жакъову методу воспитанія...»²¹.

Именно **освобождение от тенденциозности** создает, по Щебальскому, возможность объективного, многостороннего и потому истинного представления об исторической действительности²².

П. 3. Для нормального хода литературы необходима также **свобода от цензурного гнета**, грубо тормозящего ее развитие. В 1862 г. Щебальский по поручению министра народного просвещения составил записку о цензуре, в которой обосновал необходимость цензурной реформы, вводящей так называемую карательную цензуру вместо предварительной, давно уже «безполезно и безцѣльно стѣснительной», а в настоящее время даже «опасной», поскольку «литература получаетъ все болѣе силы и значенія»²³. На примере эпохи Александра I Щебальский провел тонкую грань между необходимыми и вредными цензурными ограничениями. Взятый в качестве показательного примера адмирал, публицист и министр народного

²⁰ Щебальскій П. Идеалисты и реалисты. Общественное движеніе при Александрѣ I, А. Н. Пыпина. СПб., 1871 // Русскій Вѣстникъ. 1871. Т. 94. Юль. С. 232.

²¹ Щебальскій П. Война и миръ, соч. графа Л. Н. Толстаго. Москва. 1868 г. Томы I, II и III // Русскій Вѣстникъ. 1868. Т. 73. Январь. С. 301.

²² Ср.: «Художнику более всего нужно высокое беспристрастие истины или, как мы выразились <...>, свобода воззренія» [Катков: 303].

²³ <Щебальскій П. К.> Историческія свѣденія о цензурѣ въ Россіи. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1862. С. 104, 105. См. также: Матеріалы для исторіи русской цензуры 1803–1825. Сообщилъ дѣйствительный членъ П. Щебальскій // Бесѣды въ обществѣ любителей Россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Выпускъ третій. М.: Въ Унив. тип. (Катковъ и К°), 1871.

просвещения А. С. Шишков имел все основания бороться с крайностями либеральных идей (в том числе такой: «Не въ либеральной ли средѣ вырабатывалась мысль о Малороссіи какъ объ отдѣльной, самостоятельной странѣ, то-есть о раздробленіи Россіи?»)²⁴, однако он впал в заблуждение иного рода, уверовав, что «благоденствіе народа состоитъ въ обузданности и повинности»²⁵, и занявшись подавлением свободы слова и совести. Итог оказался пагубным для страны:

«...только сильнѣйшій гнетъ цензуры не допустилъ нашей юной литературѣ подготовить общественное мнѣніе Россіи къ великому событію 19го февраля 1861 года»²⁶.

П. 4. Абсолютизация принуждения держится, по убеждению Щебальского, на неверии в силу нравственных рычагов, прежде всего **религиозных**. В России он наблюдает «слабое вліяніе религіи на общественную нравственность»²⁷, еще более ослабевающее под давлением современных материалистических учений. «Религіозные интересы народа»²⁸, утверждал Щебальский, игнорировались образованным обществом и обслуживающей его «передовой» наукой, но литература в ее лучших представителях трудилась над тем, чтобы «религіозное чувство не изсякло»²⁹ совсем. В заслугу Екатерине II Щебальский ставил то обстоятельство, что она вопреки известному вліянію французских энциклопедистов отнеслась с полным уваженіем к «вѣрованіямъ, завѣщаннымъ народу его исторіей»³⁰. В личности и творчестве Н. М. Карамзина Щебальский

²⁴ Щебальскій П. К. А. С. Шишковъ, его союзники и противники // Русскій Вѣстникъ. 1870. Т. 90. Ноябрь. С. 250.

²⁵ Там же. С. 213.

²⁶ Там же. С. 251.

²⁷ Там же. С. 216.

²⁸ Щебальскій П. Идеалисты и реалисты. С. 188.

²⁹ П. Щ<ебальскій>. Нынѣ и четверть вѣка назадъ. (*Четверть вѣка назадъ*. Правдивая исторія Б. М. Маркевича. *Скрежетъ зубовный*. Романъ В. Г. Авсѣенка) // Русскій Вѣстникъ. 1878. Т. 138. Декабрь. С. 958.

³⁰ Щебальскій П. Екатерина II, какъ писательница // Заря. 1869. Февраль. С. 124.

подчеркивает его «особую религиозность» и убеждение, что «религія — основаніе добродѣтели»³¹.

П. 5. Литература, полагал Щебальский, должна культивировать и поддерживать явившийся в русской земской жизни тип **человека дела**, соединяющего теорию с жизненной практикой. Так, героя популярного в России романа Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин»³² рационалиста Лео, этого якобы «нового человека», служащего «любви къ отвлеченной идеѣ чловѣчества, весьма нерѣдко исключаящей любовь къ чловѣку»³³, Щебальский ставит в ряд русских героев — Онегина, Печорина, Базарова, уклонившихся «отъ правильнаго историческаго пути»³⁴:

«...въ сферѣ социальныхъ вопросовъ гораздо легче прекрасно говорить чѣмъ хорошо дѣлать. Примѣръ Лео убѣждаетъ насъ наконецъ и въ томъ что для блага чловѣческихъ обществъ несравненно нужнѣ блестящихъ прожектеровъ честные, скромные дѣятели, основательно и во всѣхъ подробностяхъ знающіе дѣло за которое они берутся, что благоденствіе государствъ и народовъ создается прочнымъ образомъ не толчками со стороны людей хотя бы и блестяще одаренныхъ, а путемъ естественнаго внутренняго развитія, и что тамъ, и только тамъ, гдѣ всѣ дѣлаютъ свое хотя бы и малое дѣло, это дѣло надежно и прочно совершается»³⁵.

Впоследствии в споре с беллетристами и критиками народничества Щебальский припомнит опыт русской литературы (в том числе Достоевского) по созданию «положительных типов» и добавит, что они также существовали и в действительности эпохи реформ³⁶.

В первом номере «Гражданина» 1872 г. Щебальский под криптонимом «П. А.» опубликовал рецензию на книгу очерков «В захолустье и в столице» Скалдина <Ф. П. Еленева>. Авторство

³¹ Щебальскій П. Николай Михайловичъ Карамзинъ // Русскій Вѣстникъ. 1866. Т. 66. Ноябрь. С. 196, 198.

³² Ему посвятил апологетическую статью «Люди будущаго и герои мещанства» П. Н. Ткачев (Дело. 1868. № 4, 5).

³³ П. Щ<ебальскій>. Шпильгагенъ и его романы. С. 554.

³⁴ Там же. С. 555.

³⁵ Там же. С. 554–555.

³⁶ См.: Щебальскій П. Наши беллетристы-народники // Русскій Вѣстникъ. 1882. Т. 158. Апрель. С. 743.

Щебальского подтверждается присутствием в рецензии основных постулатов критика:

П. 1: «серьезный взгляд на внутреннюю жизнь Россіи», «жизнь нашей деревни, какъ она есть», автор «обглядываетъ каждое явленіе со всѣхъ его сторонъ»;

П. 2: «не приходится читателю быть обманутымъ какимъ нибудь предвзятымъ убѣжденіемъ», «полное безпристрастіе въ оцѣнкѣ каждаго проявленія жизни»;

П. 5: «въ каждомъ вопросѣ слышится правдивое сочетаніе теоріи съ практикою»³⁷.

Объективное исследование, ведущее читателя к «знанію предмета», Щебальский противопоставляет распространившимся радикальным «книжонкамъ», заключающим в себе «тъму проектовъ» при «полномъ незнаніи Россіи»³⁸.

В рецензии на труд историка-источниковеда К. Н. Бестужева-Рюмина Щебальский остается верен своим принципам (*П. 1* и *П. 2*), когда поддерживает «величайшую добросовѣстность», необходимую для формирования «отечественной исторіи какъ науки»:

«Въ выводахъ и взглядахъ почтенный профессоръ весьма остороженъ: онъ заботится, главнымъ образомъ, дать читателю поболѣ матеріаловъ и указаній для образованія собственнаго сужденія и приговора»³⁹.

Наиболее концептуальное выступление Щебальского в «Гражданине» 1872 г. — статья «Наша литературная задача» (№ 5, 7), подписанная криптонимом «Ш.» Принадлежность ее Щебальскому можно аргументировать наличием его основных постулатов:

³⁷ П. А. <Щебальский П. К.> Въ захоlustьѣ и въ столицѣ — Скалдина, С.-Петербургъ, 1870 года // *Гр.* 1872. № 1. 3 Января. С. 28.

³⁸ Критик указал на две книги: П. Л. <Лилиенфельд-Тоаль П. Ф., фон>. Земля и воля. I. Русская деревня въ 1868 г. II. Земскія и судебно-мировыя учрежденія. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1868; <Губарев Д. Н.> Молодая Россія. Штутгартъ: К. Грюнингеръ, придвор. тип. Гуттенбергъ, [1871].

³⁹ П. А. <Щебальский П. К.> Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Томъ 1-й, 730 стр. Цѣна за всѣ три тома 5 р. // *Гр.* 1872. № 2. 10 Января. С. 69.

- П. 1:* задача литературы — «изучать жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ»;
- П. 3:* «Наша мысль — скована строгой цензурой, предупреждавшей всякое свободное ея проявленіе»; общество «такъ долго было лишено благотѣльнаго вліянія умственной и религіозной свободы»;
- П. 4:* «всякое возрожденіе народной жизни должно имѣть своимъ крѣпкимъ основаніемъ религіозное чувство народа»;
- П. 5:* «начали появляться скромные люди дѣла», «новые русскіе люди <...>, вышедшіе на новое земское дѣло»⁴⁰;
- П. 2:* «безъ всякихъ тенденцій и подчеркиванья рисуется жизнь», что гораздо полезней «сотни тенденціозныхъ романовъ и статей»⁴¹.

Концептуальная статья Щебальского представляет особый интерес, поскольку она вступает во внутриредакционную полемику со столь же концептуальной статьей Страхова «Литературные письма». Объект нападения не назван, но прочитывается достаточно узнаваемо. Полемике отдана вся первая часть статьи Щебальского, который оспаривает высказанное в первом из «Литературных писем» утверждение, что кризис современной литературы вызван нигилистическим настроем, захватившим общество. «Дух отрицанья», возражает Щебальский, не только не уничтожил современной литературы, но ему теперь противостоит «высокій энтузіазмъ» земских «людей дѣла». Страховский скепсис в таком контексте язвительно истолкован как «идиллическія сѣтованія, вызываніе тѣней великихъ мужей, закрываніе глазъ на дѣйствительность», когда критик «только въ прошломъ ищетъ спасенія и опоры»⁴². Роман Н. Д. Хвоцинской, подписывавшейся «В. Крестовский (псевдоним)», служит Щебальскому подтверждением его упований на свежие общественные и литературные силы: «...всѣ сцены романа полны <...> жизненной правды»⁴³ (кстати, критик здесь коренным образом разошелся и с другим своим

⁴⁰ Ш. <Щебальский П. К.> Наша литературная задача. По поводу романа В. Крестовскаго (псевдонима) «Большая Медвѣдица». I // *Гр.* 1872. № 5. 31 Января. С. 181.

⁴¹ Ш. <Щебальский П. К.> Наша литературная задача. По поводу романа В. Крестовскаго (псевдонима) «Большая Медвѣдица». II // *Гр.* 1872. № 7. 14 Февраля. С. 260.

⁴² Ш. <Щебальский П. К.> Наша литературная задача. I. С. 182.

⁴³ Ш. <Щебальский П. К.> Наша литературная задача. II. С. 261.

соратником)⁴⁴. Щебальский увидел в романе столь дорогую ему тему: добрый и умный герой имеет «всѣ задатки, чтобы быть человѣкомъ дѣла», но способен «только мечтать о подвигахъ жизни»; а вот его возлюбленная совсем не знает «пагубной разладицы слова и дѣла»⁴⁵. Романист, таким образом, несмотря на «недостатки плана и композиціи», «потрудился надъ современной задачей нашей литературы и правдивой яркой картиной недалекаго прошлаго способствовалъ болѣе ясному пониманію настоящаго»⁴⁶.

К позитивной просветительской миссии литературы (в чем и заключалась основная причина расхождения с «метафизиком» Страховым) Щебальский возвращается в рецензии на новые книги, толкающие к «изученію народной жизни» без «измышлений», навязываемых как радикальной, так и славнофильской критикой:

«Довольно намъ диктаторскихъ разсужденій о темномъ царствѣ, довольно туманныхъ мечтаній о какихъ-то невѣдомыхъ міру силахъ, таящихся въ народѣ: намъ нужно дѣятельное, практическое изученіе народной жизни со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, со всею ея поэзіей и прозой»⁴⁷.

Отношение новейшей беллетристики к крестьянству, заявляет Щебальский, было и остается фальшивым. Так, у либеральных авторов принято поглумиться над невежеством народа как «вѣчнаго недоросля». Однако ситуация постепенно меняется (ср. П. 5):

«Только теперь можно встрѣтить кой-гдѣ, среди деревенской глуши, нѣсколько отдѣльныхъ личностей изъ такъ называемаго

⁴⁴ Ср.: «Поистинѣ жаль, что В. Крестовскій (псевдонимъ) употребляетъ свой талантъ на сочиненіе картонныхъ героинь и на фантастическія экскурсіи въ области нравственной философіи»; «стыдно же сочинять небывальщину» (Б. <Маркевич Б. М.> Большая Медвѣдица, романъ В. Крестовскаго (псевдонима). СПб. 1871 // Русскій Вѣстникъ. 1871. Т. 96. Декабрь. С. 645).

⁴⁵ Ш. <Щебальский П. К.> Наша литературная задача. II. С. 261.

⁴⁶ Там же. С. 262.

⁴⁷ Ш. <Щебальский П. К.> Изъ жизни. (Современная глушь. В. Н. Назарева. Вѣстникъ Европы. Февраль и мартъ 1872. Сельское ученіе. Степная идиллія. А. И. Левитова. Вѣстникъ Европы. Февраль 1872) // Гр. 1872. № 17. 24 Апрѣля. С. 615–616.

образованнаго общества, понявшихъ своимъ русскимъ чувствомъ, что они и народъ одно и то же, что нравственные недуги народа точать и ихъ <...>, что, наконецъ, работая надъ возвышеніемъ нравственнаго уровня народа, — они работаютъ надъ своимъ собственнымъ совершенствованіемъ»⁴⁸.

Задача литературы, по Щебальскому, — обнаруживать положительные основы народной жизни и при этом не закрывать глаза на отрицательные ее явления, сводящиеся к двум главным: необразованности и пренебрежению чувством законности.

Самое значительное выступление Щебальского в «Гражданине» — статья «О некоторых направлениях в нашей поэзии после Пушкина», подписанная криптонимом «Ш». Здесь мы встречаем основополагающие постулаты, с которыми ученый, критик и публицист шел к читателю:

П. 1: «Въ поэзіи, какъ въ фокусѣ стекла, сосредоточиваются <...> всѣ выдающіяся особенности народнаго духа и быта <...>. Отсюда понятна тѣсная, неразрывная связь поэзіи и исторіи: онѣ взаимно объясняютъ другъ друга»⁴⁹;

П. 2: «первое условіе всякой истинной поэзіи есть самобытность; основаніемъ же самобытности служитъ свобода. Нужно различать внутреннюю свободу мысли отъ свободы, которую предоставляетъ поэтической дѣятельности окружающая среда. Внутренняя свобода поэта состоитъ въ томъ, что его мысль и чувство не затемнѣны ложными взглядами и теоріями»⁵⁰;

П. 3: «бываютъ такія эпохи въ развитіи общества, когда правительство считаетъ необходимымъ предохранить его, посредствомъ предупредительной цензуры, отъ вліянія вредныхъ доктринъ и ученій. Историческій опытъ доказалъ всю несостоятельность подобнаго правительственнаго опекунства надъ общественной мыслью. Цензура коренится, главнымъ образомъ, въ недовѣріи къ свободному развитію научной мысли»; в эпоху Александра I литература «подверглась страшнымъ цензурнымъ стѣсненіямъ»⁵¹;

⁴⁸ Ш. <Щебальский П. К.> Изъ жизни. С. 616.

⁴⁹ Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи послѣ Пушкина // «Гражданинъ». Журналъ политическій и литературный. Сборникъ. Часть первая. II <пагинация>. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. С. 167.

⁵⁰ Там же. С. 167.

⁵¹ Там же. С. 168, 174.

П. 4: «Изученіе нѣмецкой философіи благодѣтельно для развитія научнаго мышленія, но при непремѣнномъ условіи прочнаго, нравственно-религіознаго закона, выработаннаго историческою жизнью народа»; «религіозное чувство народа не можетъ и не хочетъ гоняться за хитрой діалектикой ученыхъ»⁵²;

П. 5: «Мало желать истины и добра <...> — надо умѣть добитъся до истины, надо дѣлать добро»; «Если проходить то недавнее время, когда разговоры, съ чисто русской довѣрчивостью, принимались за дѣло, то наступитъ ли наконецъ, пора дѣйствительныхъ, живыхъ, а не поэтическихъ "тружениковъ"»⁵³.

Базовое положеніе критика: «Внѣ народности и народа — нѣтъ поэзіи»⁵⁴. Путь литературы к этой своей первооснове представляется Щебальскому довольно непростым: история России «подготовляла почву для болѣе широкаго и всесторонняго развитія народа», однако тормозом на этом пути встали крепостное право и уход образованнаго сословія, после петровских реформ, в отрыв от народа и в «слѣпое подражаніе Европѣ»⁵⁵. Пушкину гениальными усилиями удалось отчасти подняться над этими обстоятельствами, но еще больше предстоит сделать его последователям:

«Онъ сдѣлалъ все, что могъ, въ тѣхъ рамкахъ, въ которыя двинута была русская жизнь, и положилъ прочное основаніе развитію нашего народнаго самосознанія. Жизнь образованнаго русскаго меньшинства, или петровской Руси, была исчерпана имъ вполнѣ. — Новые поэты отчасти идутъ по его пути, отчасти пробиваются къ новому, пока еще загадочному. Время отъ Пушкина до насъ можно назвать литературой попытокъ, часто высоко даровитыхъ. Наступившая новая эпоха цѣлостной народной жизни ждетъ еще своего Пушкина. Скоро-ли она дождется его? — Богъ вѣсть!»⁵⁶.

Заметим, что высказанное в статье представленіе о месте Пушкина в русской словесности противостоит, конечно,

⁵² Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи... С. 179, 189.

⁵³ Там же. С. 177, 193.

⁵⁴ Там же. С. 167.

⁵⁵ Там же. С. 170, 171.

⁵⁶ Там же. С. 175.

воинствующему нигилизму, в чем Щебальский солидарен со Страховым, однако полного совпадения двух сотрудников «Гражданина» не наблюдается. Страхов, последователь Ап. Григорьева, воспринимает Пушкина как «наше всё» (как и другой почвенник — Ф. М. Достоевский), для Щебальского же Пушкин — лишь начало пути русской литературы к народу, жизнь которого представала поэту «загадкой», что «и теперь еще не разгадана вполне»⁵⁷, отсюда и ожидание какого-то «нового» Пушкина при недооценке (прямо скажем, недопонимании) «старого». Тот прогрессизм, с которым боролся Страхов, как видим, нашел прибежище и в консервативном лагере на почве позитивистского сциентизма. Именно «научная мысль», по Щебальскому, должна раскрыть тайну (загадку) народной жизни, над которой билось как славянофильство, так и западничество. Каждая из враждующих партий имеет своих выразителей в поэзии, и Щебальский далее анализирует и сопоставляет творения западника Н. П. Огарева и славянофила А. С. Хомякова. Огарев искренно и глубоко выразил «нравственное безсиліе и одиночество» среди собственного народа, «религіозныя вѣрованія» и «религіозныя чувства» которого оказались чуждыми выученику немецких философов⁵⁸. Хомяков же, напротив, «въ вѣрѣ своего народа нашелъ неизсякаемый источникъ труда и вдохновенія»⁵⁹.

Щебальский находит у Хомякова и подтверждение столь любезной его сердцу идеи труженичества, не гнушающегося «малыми делами»:

«При такомъ серьезномъ настроеніи мысли, поэтъ не могъ легко и поверхностно относиться къ подвигу жизни. Онъ не измышляетъ никакихъ неисполнимыхъ желаній и стремленій, и беретъ своимъ образцомъ будничныи трудъ»⁶⁰.

Критик, в назидание читателям, приводит стихотворение Хомякова «Труженикъ» («Взгляни на ниву: пашни много») и предлагает сравнить с тем, что говорит Огарев в стихотворении

⁵⁷ Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи... С. 175.

⁵⁸ Там же. С. 178–179.

⁵⁹ Там же. С. 191.

⁶⁰ Там же. С. 192.

«Друзьямъ» («Томясь въ трудѣ безвѣстномъ и бесплодномъ»)»⁶¹. Тема труда на «родной ниве» получит продолжение в «Гражданине» под редакцией Достоевского, а в конечном итоге в его «Пушкинской речи».

Третьим ведущим критиком «Гражданина» оказался Б. М. Маркевич (о его участии в журнале см.: [Викторович, 2024b: 139–141]), остававшийся при этом постоянным автором «Русского Вестника». Радетель эстетической критики (достойное продолжение которой он найдет у К. Н. Леонтьева), Маркевич после неудачных попыток склонить Каткова к формированию в «Русском Вестнике» «здоровой критики» с уклоном в «область художества» [Гайнцева: 125, 129] присоединился к начинающему «Гражданину» Мещерского. Здесь он задал нечто вроде программы разделу «Критика и библиография» в открывающей его рецензии на очерки и рассказы Г. И. Успенского. Значительная часть статьи — рассуждение о современном состоянии русской литературной критики:

«Мы вовсе не сторонники той эстетической критики, которая господствовала у насъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, — мы многимъ ей обязаны — и относимся къ ней не безъ благодарнаго воспоминанія, но — она остановилась и уже давно не удовлетворяетъ насъ такъ, какъ въ свое время удовлетворяла она поклонниковъ Бѣлинскаго. Но эстетика и эстетическое чувство — не одно и то же»⁶².

Происхождение эстетической критики Маркевич, как видим, относит к началу 1840-х гг., т. е. к выступлениям В. Г. Белинского периода «примирения с действительностью». Пятидесятые годы, т. е. эпоху «бесценного триумвирата» П. В. Анненкова, А. В. Дружинина и В. П. Боткина, вероятно, он имеет в виду, когда говорит, что эта критика «остановилась» и «уже давно не удовлетворяет». Победившая ее в глазах нового поколения радикально-позитивистская критика («разрушитель

⁶¹ Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направлєніяхъ въ нашей поэзіи... С. 192–193.

⁶² -ичъ <Маркевич Б. М.> Глѣбъ Успенскій. Очерки и рассказы. — Разоренье. — Нравы Растеряевой улицы. — С. Петербургъ 1871. — 2 г. — 3-й книжки, изд. А. О. Базунова // Гр. 1872. № 1. 3 Января. С. 26.

эстетики» Д. И. Писарев и др.) в шестидесятые годы привела в конечном итоге к небрежению эстетической природой искусства. «Въ этомъ отрицаніи эстетическаго чувства, — утверждает Маркевич, — давно уже слышится страшная фальшь»⁶³. Кризис в критике отозвался расколом читательской аудитории, разделившейся на «отцов» и «детей»:

«Люди, повидимому еще способные восхищаться лирическимъ стихотвореніемъ, не выносятъ произведеній той школы, которая называетъ себя реальною; и на оборотъ, — поклонники г. Рѣшетникова и г. Успенскаго никакъ не понимаютъ, что хорошаго въ Пушкинѣ <...>. Реальная критика, отвергнувшая эстетическое чувство, — какъ естественное и какъ **подлежащее развитію**, — сдѣлалась <...> одностороння...» (выделено мной. — В. В.)⁶⁴.

В то самое время, когда писалась цитируемая статья, Маркевич работал над романом «Марина из Алого Рога», где есть характерная сцена взаимного непонимания между героями разных поколений — близким автору графом Завалевским и заглавной героиней, временно находящейся под влиянием учителя-нигилиста. Граф спрашивает ее, читала ли она поэтов, и слышит в ответ имя Некрасова. «А Пушкина?» — вопрошает он.

«— Да, онъ мнѣ нравится, сказала она, — только вѣдь онъ не развитъ...»

— Что-сь? Какъ вы это сказали? чуть не съ ужасомъ вскрикнулъ графъ, — это Пушкинъ *не развитъ!*..

— Ну, конечно! съ торжествующею улыбкой подтвердила она»⁶⁵.

Так же, как и в романе, Маркевич в статье о творчестве Глеба Успенского ищет возможности преодоления раскола образованного общества. Не случаен выбор объекта: автор «Разоренья» был весьма популярен у нового поколения. Критик «Гражданина» именно на его примере показывает наличие «эстетических чувств», которые вызывают выводимые

⁶³ — ичь <Маркевич Б. М.> Глѣбъ Успенскій. Очерки и рассказы. С. 26.

⁶⁴ Там же. С. 27.

⁶⁵ Маркевичъ Б. Марина изъ Алаго Рога. Современная быль // Русскій Вѣстникъ. 1873. Т. 103. Январь. С. 340.

писателем «маленькія по уму и меленькія по характеру» герои. Эстетическая их значимость определяется тем, что за гнетущей злобой дня открывается замутненный низкими нравами образ Божий:

«...вы видите не только ихъ таковыми, каковы они въ самой дѣйствительности, но видите, чѣмъ бы они могли быть <...>; за тѣми плевелами, которыя рисуеть намъ г. Успенскій, виднѣется добрая почва, и не винится авторъ за то, что на этой доброй почвѣ жизнь уронила не хлѣбныя зерна, а никуда негодныя плевелы»⁶⁶.

Следующая рецензия Маркевича была посвящена объекту куда более близкому эстетической критике — повести И. С. Тургенева «Вешние воды», опубликованной в январском «Вестнике Европы» 1872 г. Повесть была весьма прохладно принята критикой: и радикалы, и либералы ожидали от автора «Дыма» критической общественной ноты, в то время как новое произведение оставалось в сфере исключительно психологической коллизии. Критики консервативного лагеря сразу же по выходе повести высказались скептически даже и относительно ее художественных достоинств: «невинный анекдот» («Русский Мир», 10 января), «вещь не только относительно слабая, но безотносительно плохая» («Московские Ведомости», 12 января). Статья «Гражданина», подписанная криптонимом «М.» (документированное доказательство авторства Маркевича см.: [Громов])⁶⁷, таким образом, вступала в конфликт не только с противниками, но и с единомышленниками. Особую позицию занял тогда В. П. Буренин, признавший, что по «художественной отделке» новая повесть Тургенева — «предел совершенства», но поскольку она лишена «общественной мысли», это всего лишь «чисто эстетическая безделка» («Санкт-Петербургские Ведомости», 1872, 8 января). «Гражданин» с рецензией Маркевича вышел на следующий день после выступления Буренина, складывалось впечатление, что одно издание напрямую спорит с другим (что нельзя исключить,

⁶⁶ –ичь <Маркевич Б. М.> Глѣбъ Успенскій. Очерки и рассказы. С. 27.

⁶⁷ Статья В. А. Громова была нам неизвестна, когда мы ошибочно написали данную рецензию В. П. Мещерскому [Викторович, 2018: 115]. Спешим исправить ошибку.

учитывая связи Маркевича с редакций «Санкт-Петербургских Ведомостей»). Маркевич настаивал, как оказалось, пророчески, на востребованности у читателя именно эстетического совершенства, достижения «вершины художественности»:

«А у насъ еще есть молодцы, которые отрицають и самую пользу этой "художественности", и валять ее подъ ноги "трезвой правдѣ" г. Решетникова!...»⁶⁸.

Этот выпад явственно направлен против программной статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина «Напрасные опасения (По поводу современной беллетристики)» («Отечественные Записки», 1868, № 10), провозглашавшей «плодотворный поворот», сделанный «молодой русской литературой» в лице Ф. М. Решетникова в сторону «правды», «трагической истины русской жизни» вопреки даже писательскому «неумению распорядиться своим материалом» [Салтыков-Щедрин: 34–35]. Маркевич нарочито заостряет внимание читателя на «искусной архитектонике», «скульптурной рельефности» персонажей, «слиянии идеи и формы» в повести Тургенева, в силу этого становящейся «однимъ изъ самыхъ блестящихъ этюдовъ человѣческаго сердца»⁶⁹. Здесь нельзя не отметить преимущество критика с представлениями о пользе искусства эстетической критики 1850-х гг., высказанными прежде всего в статье П. В. Анненкова «О значении художественных произведений для общества» («Русский Вестник», 1856, № 4).

Маркевич сделал попытку определить в русской литературе место Тургенева, «живописца по преимуществу»⁷⁰, опять же применяя эстетические критерии. Писатель, единственный, как утверждает критик, среди своих современников, обладает «чутьемъ художественной мѣры»⁷¹, почти таким же, каким владел у нас только Пушкин. Любопытно, что в том же номере «Гражданина» Н. Н. Страхов называет писателей, «вносившихъ въ литературу <...> "новое слово"» после Пушкина (Гоголь,

⁶⁸ М. <Маркевич Б. М.> «Вешнія воды». Соч. Тургенева (Вѣстникъ Европы № 1) // *Гр.* 1872. № 2. 10 Января. С. 66.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 67.

⁷¹ Там же. С. 66.

Островский, Некрасов, Достоевский, С. Аксаков, Л. Толстой), но не включает в этот ряд Тургенева⁷².

Маркевич же, отдавая преимущество Тургеневу, делает при этом оговорку несколько двусмысленную:

«Въ этой необыкновенной художественности, въ этомъ отличительномъ признакъ дарованія г. Тургенева слѣдуетъ искать объясненіе того, съ объективной точки зрѣнія несправедливаго, смѣемъ думать, предпочтенія, которое оказывается ему огромнымъ большинствомъ читателей, сравнительно съ нѣкоторыми другими современными ему русскими писателями, которые по силѣ таланта, по богатству такъ сказать, сыраго матеріала, далеко не уступаютъ ему, — чтобы не сказать болѣе...»⁷³.

Витиеватый намек, судя по всему, относился к Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому, чей «сырой материал» (т. е. не так тщательно обработанный, как у Тургенева) превосходит автора «Вешних вод» по масштабу и глубине постижения человеческой природы. Маркевич далее покритиковал концовку тургеньевской повести: возвращение героя к растоптанной им самим чистой первой любви представляется критику психологически неоправданным, искусственно навязанным читателю. Автор как бы не удержался на взятой им высоте «блестящаго этюда человѣческаго сердца».

Опубликованные в третьем номере «Гражданина» рецензии⁷⁴ также могут принадлежать перу Маркевича. Критика настораживает набирающее силу поветрие, идущее от французских бульварных романов с их «смѣлостію воображенія»

⁷² Страховъ Н. Литературныя письма. II // *Гр.* 1872. № 2. 10 Января. С. 60–61.

⁷³ М. <Маркевич Б. М.> «Вешнія воды». С. 66.

⁷⁴ Невскій. Семейство Снѣжиныхъ. Романъ въ 4 частяхъ Ближнева. (Вѣстникъ Европы 1871 г. Сентябрь — декабрь); Б. Свѣтскіе люди. Романъ въ 2-хъ частяхъ Чернолѣсова. «Отечественныя Записки», 1871 годъ. Октябрь и Ноябрь // *Гр.* 1872. № 3. 17 Января. С. 108–110. О принадлежности криптонима «Б.» Маркевичу см.: [Викторович, 2024b: 141]. Псевдоним «Невскій» в «Гражданине» ошибочно приписан А. А. Фокину в изд. [Масанов; т. 2: 254] со ссылками на другие словари (Карцовъ В. С., Мазаевъ М. Н. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. СПб.: Типо-Литографія И. Ефрона, 1901. С. 89; Венгеровъ С. А. Источники словаря русскихъ писателей. Т. IV: Лоначевскій — Некрасовъ. Пг.: Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1917. С. 514), в которых указание на «Гражданин» отсутствует.

(так, в романе Ближнева <В. А. Райского> описано влечение героя к 15-летней девочке). Критик советует поучиться у Тургенева, «что значитъ художество».

Перу Маркевича, судя по присвоенному ему в «Гражданине» криптониму «М.», принадлежит рецензия на комедию А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Критик сравнивает новую пьесу драматурга с предыдущей — «Не все коту масленица», не в пользу новой, поскольку лишь первая из них явилась художественным достижением писателя:

«...старый купецъ, готовый отдать полъ-міра за одинъ поклонъ ему въ землю, это *новый типъ* у Островскаго, типъ прелестный, типъ — по своему психическому содержанию, вырастающій почти до Шекспировскихъ типовъ»⁷⁵.

В новой комедии критик признает известные достоинства (обновленный тип скряги, «чистота» и «музыкальность» языка), однако высказывает и претензии к «необработанности» женских образов: в Насте «характеръ, и его развитіе недостаточно глубоко раскрыты: много складокъ недостаетъ», а у Анны Тихоновны «рѣшеніе отдать Настю на проституцію должно было выясниться передъ читателями глубже, рельефнѣе, и съ большею борьбою»⁷⁶.

В следующей (редакционной по существу) статье был поставлен вопрос об отношении общества к Островскому: для великосветских судей он «грязен», зато Россия горячо любит его, в том числе за «чудную и чистую мелодію русскаго языка»⁷⁷. Отношение первых к национально ориентированному художнику сказалось тогда не только в официальном запрете публичного чествования юбиляра («Гражданин» инициировал

⁷⁵ М <Маркевич Б. М.> «Отечественныя Записки». Январь 1872 г. Островскій «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ». Комедія въ 5 дѣйствіяхъ // *Гр.* 1872. № 4. 24 Января. С. 151. К рецензии подверстана реплика (Отечественныя записки. Январь 1872 годъ. «Волны русскаго прогресса». А. Скабичевскаго), обе публикации подписаны криптонимом Маркевича «М». В энциклопедии «А. Н. Островскій» рецензия предположительно приписана В. П. Мещерскому [Виноградов].

⁷⁶ М <Маркевич Б. М.> «Отечественныя Записки». Январь 1872 г. Островскій «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ». С. 152.

⁷⁷ <Без подписи>. Двадцатипятилѣтній юбилей А. Н. Островскаго и его «Дмитрій Самозванецъ» на петербургской сценѣ // *Гр.* 1872. № 8. 21 Февраля. С. 273.

юбилейный вечер в Артистическом кружке 14 марта), но и в крайне скудном оформлении спектакля по пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Автор статьи увидел в этом «презрѣніе, неумолимое презрѣніе къ русскому театру и къ русскимъ талантамъ»⁷⁸. Впоследствии автор серии статей «Письма о русском театре» (*Гр.* № 20, 21, 23, 26, 31, 32) за подписью «Графъ Энъ» (возможно, принадлежащей Маркевичу как единственному театральному критику «Гражданина», хотя нельзя исключить и авторства В. П. Мещерского⁷⁹) обвинил театральную дирекцию в равнодушии к русскому репертуару.

Главное достоинство драматурга, по мнению автора, заключается в том, что он «в н ѣ к р у ж к а, в н ѣ п а р т і и, в н ѣ м о д н ы х ѣ и д е й» — «служить о д н о м у л и ш ь и с к у с т в у»⁸⁰. Это утверждение созвучно общей концепции «Гражданина» в сфере литературы. Так, П. К. Щебальский в программной статье провозглашал: «Цѣль поэзіи, какъ и цѣль науки, заключается въ ней самой»⁸¹, — замечательно поясняя свой тезис:

«Порожденныя великой силой симпатіи, гнѣздящейся въ душѣ поэта, чудныя созданія искусства, невольны, вслѣдствіе неотразимой силы добра и красоты, поднимаютъ читателя на ту же высоту поэтического одушевленія, на которой находился поэтъ въ минуту творчества, или хотя приближаютъ къ этой высотѣ. Эта способность понимать поэзію, сочувствовать ей, переживать душевныя ощущенія поэта, пробуждать въ душѣ дремлющія симпатіи ко всему святому, высокому, благородному и страдающему — одинъ изъ лучшихъ даровъ природы. Можно ли передать все это словами "польза" или "наслажденіе"? Оба эти понятія

⁷⁸ <Без подписи>. Двадцатипятилѣтній юбилей А. Н. Островскаго... С. 274.

⁷⁹ Криптоним «Графъ Энъ» варьировал подпись «Графъ N. N.» Н. М. Карамзина [Масанов; т. 1: 302], чьим внуком был В. П. Мещерский, неоднократно представлявший себя последователем своего деда. Кроме того, Мещерскому принадлежит «фантастическій рассказъ въ стихахъ» «Графъ Энъ, или Министръ одной ночи», включенный в его «Рѣчи консерватора» (вып. 2, СПб., 1876). Правда, граф Эн здесь — сатирический персонаж, недалекий амбициозный карьерист.

⁸⁰ <Без подписи>. Двадцатипятилѣтній юбилей А. Н. Островскаго... С. 274.

⁸¹ Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи послѣ Пушкина. С. 168.

слишком ограничены и мелки, чтобы выразить собою все могущество поэтической силы. Поэзия — молитва души»⁸².

Нетрудно заметить, что Щебальский здесь соединяет провозглашенный еще В. Н. Майковым закон «симпатии» художника⁸³ с шиллеровскими представлениями о воспитательном значении искусства, подхваченными эстетической критикой пятидесятых годов. (Заметим, что дословно повторяется формула «облагородивать природу человека» из чуть более ранней статьи Щебальского⁸⁴, что лишний раз подтверждает его авторство.) При этом критик «Гражданина» идет значительно дальше предшественников-эстетиков, разрешая спор о «пользе» и «наслаждении» напоминанием о родстве искусства с религией («молитва души»).

Через десять лет Маркевич напишет Щебальскому: «у васъ всѣ приемы, весь пошибъ художественнаго критика», — и прибавит: «вѣдь мы совсѣмъ отвыкли отъ эстетическаго разумѣнія въ дѣлѣ литературы: вѣдь у насъ двадцать пять лѣтъ сряду на нее смотрѣли единственно со стороны тенденціи»⁸⁵. «Гражданин» усилиями трех рассмотренных нами сотрудников сделал попытку возрождения эстетической критики. К этому изначально стремился сам издатель, В. П. Мещерский, сообщавший в письме И. С. Тургеневу в октябре 1871 г., что в намечаемом журнале предполагается «в области литературы воздвигать опрокинутые алтари искусства» (см.: [Викторovich, 2018: 112]).

Блестящий образец эстетической критики — рецензия Н. Н. Страхова на рассказ Ф. М. Достоевского «Вечный муж», опубликованная без подписи (поскольку Страхов редактировал журнал «Заря», где печатался рассказ). Доказательства его

⁸² Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи послѣ Пушкина. С. 169.

⁸³ Майков В. Н. Литературная критика: статьи, рецензии / сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. Ю. С. Сорокина. Л.: Худож. лит., 1985. С. 75, 108 (Сер.: Русская литературная критика.)

⁸⁴ Щебальскій П. По поводу памятника Пушкину // Русскій Вѣстникъ. 1871. Т. 92. Апрѣль. С. 713. Ср.: искусство «должно служить <...> къ облагороженію человѣческой природы» (Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи послѣ Пушкина. С. 170).

⁸⁵ Письма Б. М. Маркевича къ графу А. К. Толстому, П. К. Щебальскому и друг. СПб.: Тип. Тов-ва Общественная Польза, 1888. С. 164–165.

авторства приведены в изд.: [Викторович, Захарова: 232–233]. Критик начинает статью с кратких общих характеристик (что характерно для Страхова) состояния литературы, места в ней Достоевского и эволюции его творчества, намекает на особенности его творческой лаборатории. Кроме того, как и в «Литературных письмах», он ставит вопрос о состоянии читательской аудитории, ее подготовленности к восприятию произведений такого эстетического и духовного наполнения. Критик относит рассказ «къ послѣднему разряду произведений <...> психологическxъ; <...> удачныхъ, стройныхъ и строго-выдержанныхъ», однако, «не всякій читатель, увлекающаяся внѣшнимъ интересомъ разсказа, способенъ проникнуть до той глубины предмета, до которой проникъ авторъ»⁸⁶. В этом же и причина незамеченности гениального произведения текущей критикой:

«...едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что разсказъ "Вѣчный Мужъ" больше одного раза — или ни къмъ не прочтенъ, или прочтенъ очень и очень многими; потому что, при его появленіи, критика почти его не замѣтила, а не замѣтила отъ того, что сама можетъ быть, чуть-чуть, слегка его пробѣжала...»⁸⁷.

В связи с этим критик дает весьма дельный совет вдумчивому читателю, имеющему еще шанс войти в число «избранных»: таких писателей, как Достоевский, надо читать медленно и, чтобы понять, непременно перечитывать.

«...съ перваго раза не всякій читатель, увлекающаяся внѣшнимъ интересомъ разсказа, способенъ проникнуть до той глубины предмета, до которой проникъ авторъ, и потому, при вторичномъ чтеніи, будетъ безпрестанно встрѣчать черты, прежде имъ не замѣченныя, освѣщающія самые темные уголки въ душахъ дѣйствующихъ лицъ»⁸⁸.

⁸⁶ <Страхов Н. Н.> Вѣчный мужъ. Разсказъ Ѳедора Достоевскаго. С.-Петербургъ, 1872 // *Гр.* 1872. № 7. 5 Февраля. С. 263.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

Статья Страхова — своеобразная школа читателя. Его анализ «Вечного мужа» отличается тонким пониманием поэтики рецензируемого писателя. Так, критик уловил композиционную задачу долгой экспозиции:

«...его <Вельчанинова> начинают посѣщать незванные гости — призраки прошлаго, зазываемые, безъ его вѣдома, услужливой памятью»⁸⁹.

Последующий сюжет с участием Трусоцкого в этом контексте — как бы продолжение работы совестливой памяти. Анализируя художественный строй произведения, критик предлагает читателю определение Трусоцкого: «человѣчекъ, одержимый неодолимой жаждой такого счастья, котораго достигнуть онъ не способенъ и которымъ обладать не достоинъ». В итоге оба героя рассказа, по наблюдению критика, «разоблачаютъ свои души до ихъ послѣднихъ темныхъ закоулковъ, до того, что въ прозрачной дали ясно рисуются не только ихъ прошлое, но и будущее»⁹⁰.

Обратил внимание критик и на образ Лизы:

«...не помнимъ, чтобы у кого-нибудь, кромѣ Диккенса и Э. Достоевскаго, встрѣчали мы такое чудное изображеніе дѣтей, и именно тѣхъ дѣтей, о которыхъ простые люди обыкновенно говорятъ: "такія дѣти не живутъ!" Къ такимъ дѣтямъ принадлежатъ Павелъ Домби и Лиза Трусоцкая, хотя они во многомъ совѣмъ не похожи другъ на друга и хотя на перваго положено авторомъ несравненно больше красокъ, чѣмъ на вторую»⁹¹.

В конце рецензии Страхов вышел на обобщающий пассаж, кажется впервые заявив, что неразрешимая пока для критики проблема понимания Достоевского означает, прежде всего, проблему возобладавшей критики позитивистского толка, ее эстетической и философской неготовности к встрече с художником такой духовной значимости:

«...отношенія нашей критики къ литературнымъ произведеніямъ съ нѣкотораго времени очень измѣнились. Можетъ быть, мы съ ней сдѣлались и дѣльнѣе, но недостаточное вниманіе

⁸⁹ <Страхов Н. Н.> Вѣчный мужъ. С. 263.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 264.

къ такимъ крупнымъ явленіямъ отечественной литературы, какъ *Ф. Достоевскій*, едва-ли только не у однихъ насъ возможное, во всякомъ случаѣ говорить о притупившейся впечатлительности, а можетъ быть и о незначительномъ уровнѣ высшаго духовнаго развитія»⁹².

Рецензией на рассказ Достоевского *Страхов* способствовал совершенствованию эстетической критики на страницах «Гражданина», формируемой, как мы видели, и двумя другими ведущими критиками еженедельника, *П. К. Щебальским* и *Б. М. Маркевичем*.

Консервативный «Гражданин», как нам представляется, выразил потребность самой литературы в эстетической критике. Приведем суждения двух писателей, высказанные через четыре года.

Ф. М. Достоевскій в письме *Я. П. Полонскому* 4 февраля 1876 г.:

«Хотел очень (и хочу) писать о литературе и об том именно, о чем никто с тридцатых еще годов ничего не писал: *О ЧИСТОЙ КРАСОТЕ*» [*Достоевскій*; т. 29, кн. 2: 74].

Л. Н. Толстой в письме *Н. Н. Страхову* 23 апреля 1876 г.:

«...для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений» [*Толстой*: 785].

История эстетической критики XIX в. должна быть написана с учетом всех ее перипетий, начиная от *Карамзина* и *Жуковского* до *Вл. Соловьева* и *К. Леонтьева*. Выступления критиков «Гражданина» 1872 г. и затем периода редакторства и авторства Достоевского (1873–1874) являются частью этой истории. Критика «бесценного триумвирата» 1850-х гг. (*П. В. Анненков*, *А. В. Дружинин*, *В. П. Боткин*) соединила эстетическую направленность с либеральными установками, которые со временем вышли на первый план, так что позднейшие работы *П. В. Анненкова* приблизились к методологии реальной

⁹² <*Страхов Н. Н.*> Вѣчный мужъ. С. 264.

критики. В первой половине 1860-х гг. эстетическую инициативу перехватывают почвеннические журналы «Время» и «Эпоха», во многом уточняя и совершенствуя принципы предшествующей эстетической критики: тон задают выступления А. А. Григорьева и Ф. М. Достоевского, в особенности программная статья последнего «Г. -бов и вопрос об искусстве». В конце 1860-х гг. попытки вернуться к эстетической критике предприняли К. К. Случевский («Явления русской жизни под критикою эстетики»), Е. Н. Эдельсон («О значении искусства в цивилизации»), Ф. И. Буслаев («Задачи современной эстетической критики»), Н. И. Соловьев («Искусство и жизнь»), но они были осмеяны «реалистами» как «люди второго сорта». Так позволил себе выразиться Н. В. Шелгунов в статье с характерным названием «Двоедушие эстетического консерватизма» (1870). Радикальный критик между тем верно уловил тенденцию: эстетическая критика уходила от либералов в стан консерваторов.

«Гражданин» 1872 г. еще и по этой причине оказался мишенью как для радикальной, так и для либеральной критики. Упорства его сотрудников по отделу критики в этом противостоянии хватило только на полгода, однако уже на следующий год новый редактор, Ф. М. Достоевский, возобновил этот отдел в журнале с той же целью охранить «колеблемый треножник»⁹³. Вся эта история не подтверждает представления о «коротком дне русского "эстетизма"» [Осповат]: эстетическая критика, получив прививку почвенничества, оказалась сродственной мыслителям консервативного толка. В процесс этой трансформации включатся затем К. Леонтьев и религиозно-философская критика XX в., предлагая свои версии «эстетического консерватизма».

⁹³ Этой теме будет посвящена отдельная статья.

Список литературы

1. Викторovich В. А. Тургенев в зеркале «Гражданина» // Тургенев и либеральная идея в России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию И. С. Тургенева (Пермь, 19–21 апреля 2018 г.). Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2018. С. 111–129. EDN: LBPUEX
2. Викторovich В. А. Достоевский и «пушкинский вопрос» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 59–75 [Электронный ресурс]. URL: [https://rcsi.science/upload/medialibrary/89e/agybt84i2qm2t9p-1s3u0c605fdjzlhlj/RFBR_2\(117\)2024_59-75.pdf](https://rcsi.science/upload/medialibrary/89e/agybt84i2qm2t9p-1s3u0c605fdjzlhlj/RFBR_2(117)2024_59-75.pdf) (20.07.2024). DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-59-75. EDN: INBZNG (a)
3. Викторovich В. А. Происхождение «Гражданина»: авторы, концепции, жанры // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 4. С. 117–157 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1732441170.pdf (20.07.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2024.14522. EDN: APFWHX (b)
4. Викторovich В. А., Захарова О. В. Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881. Коломна: Лига, 2021. 536 с. EDN: YAAQPG (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре.)
5. Виноградов А. А. Мещерский Владимир Петрович // А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. С. 255.
6. Гайнцева Э. Г. Вопросы о литературной критике и литературных жанрах в редакционной политике «Русского вестника» конца 60-х — начала 70-х гг. // Проблемы жанров в русской литературе: сб. науч. тр. М.: МГПИ, 1980. С. 122–132.
7. Громов В. А. «Вешние воды». Статья и письмо Б. М. Маркевича о повести Тургенева // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л.: Наука, 1969. [Т.] V. С. 303–305.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
9. Катков М. Н. Пушкин. Сочинения Пушкина, издание П. В. Анненкова, СПб., 1855. 6 томов // Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Росток, 2010. Т. 1: Заслуга Пушкина: о литераторах и литературе / под общ. ред. А. Н. Николюкина. С. 246–303.
10. Котов А. Э. Птенцы гнезда Каткова: монография. СПб.: ГУ МРФ им. адмирала С. О. Макарова, 2013. 143 с. EDN: ULLLKВ
11. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. / подгот. к печати Ю. И. Масанов; ред. Б. П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1956–1960.
12. Осповат Ал. Короткий день русского «эстетизма» (В. П. Боткин и А. В. Дружинин) // Литературная учеба. 1981. № 3. С. 186–193.
13. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 9: Критика и публицистика (1868–1883). 648 с.
14. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 17: Публицистические произведения. 1886–1908; Т. 18: Письма. 1842–1881. 910 с.

References

1. Viktorovich V. A. Turgenev in the Mirror of “The Citizen”. In: *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu I. S. Turgeneva (Perm', 19–21 aprelya 2018 g.)* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 200th Anniversary of I. S. Turgenev (Perm, April 19–21, 2018)]. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 2018, pp. 111–129. EDN: LBPUEx (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. Dostoevsky and the “Pushkin Question”. In: *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences], 2024, no. 2, pp. 59–75. Available at: [https://rcsi.science/upload/medialibrary/89e/agybt84i2qm2t9p1s3u0c605fdjlzhlj/RFBR_2\(117\)2024_59-75.pdf](https://rcsi.science/upload/medialibrary/89e/agybt84i2qm2t9p1s3u0c605fdjlzhlj/RFBR_2(117)2024_59-75.pdf) (accessed on July 20, 2024). DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-59-75. EDN: IHBZNG (In Russ.) (a)
3. Viktorovich V. A. The Origin of “The Citizen”: Authors, Concepts, Genres. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2024, vol. 22, no. 4, pp. 117–157. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1732441170.pdf (accessed on July 20, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2024.14522. EDN: APFWHX (In Russ.) (b)
4. Viktorovich V. A., Zakharova O. V. F. M. Dostoevskiy v russkoy kritike. 1845–1881 [F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881]. Kolomna, Liga Publ., 2021. 536 p. EDN: YAAQPG (Ser.: Sources and Methods in Studying the Legacy of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) (In Russ.)
5. Vinogradov A. A. Meshchersky Vladimir Petrovich. In: A. N. Ostrovskiy. *Entsiklopediya* [A. N. Ostrovsky. Encyclopedia]. Kostroma, Kostromizdat Publ., Shuya, Shuya State Pedagogical University Publ., 2012, p. 255. (In Russ.)
6. Gayntseva E. G. Questions About Literary Criticism and Literary Genres in the Editorial Policy of the “Russian Herald” in the Late 60s — Early 70s. In: *Problemy zhanrov v russkoy literature: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of Genres in Russian Literature: a Collection of Scientific Papers]. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute Publ., 1980, pp. 122–132. (In Russ.)
7. Gromov V. A. “Torrents of Spring”. Article and Letter of B. M. Markevich About the Story of Turgenev. In: *Turgenevskiy sbornik. Materialy k polnomu sobraniyu sochineniy i pisem I. S. Turgeneva* [Turgenev's Collection. Materials for the Complete Works and Letters of I. S. Turgenev]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, vol. 5, pp. 303–305. (In Russ.)
8. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
9. Katkov M. N. Pushkin. Works of Pushkin, Published by P. V. Annenkov, St. Petersburg, 1855. 6 Volumes. In: *Katkov M. N. Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [Katkov M. N. Collected Works: in 6 Vols]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2010, vol. 1: Pushkin's Merit: About Writers and Literature, pp. 246–303. (In Russ.)

10. Kotov A. E. *Ptentsy gnezda Katkova* [*Chicks of Katkov's Nest*]. St. Petersburg, The Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Publ., 2013. 143 p. EDN: ULLKKB (In Russ.)
11. Masanov I. F. *Slovar' psevdonomov russkikh pisateley, uchyonykh i obshchestvennykh deyateley: v 4 tomakh* [*Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures: in 4 Vols*]. Moscow, Vsesoyuznaya knizhnaya palata Publ., 1956–1960. (In Russ.)
12. Ospovat Al. A Short Day of Russian “Aestheticism” (V. P. Botkin and A. V. Druzhinin). In: *Literaturnaya ucheba*, 1981, no. 3, pp. 186–193. (In Russ.)
13. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: v 20 tomakh* [*Collected Works: in 20 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1970, vol. 9: Criticism and Journalism (1868–1883). 648 p. (In Russ.)
14. Tolstoy L. N. *Sobranie sochineniy: v 22 tomakh* [*Collected Works: in 22 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984, vol. 17: Journalistic Works. 1886–1908; vol. 18: Letters. 1842–1881. 910 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Викторович Владимир Александрович, Vladimir A. Viktorovich, PhD доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410); Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9576-9522>; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru. (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Literature, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, 140410, Russian Federation); Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9576-9522>; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.01.2025

Принята к публикации / Accepted 14.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025